

Василий Щукин

О закономерности русского западничества

Существует достаточно широко распространенное мнение, согласно которому проевропейскую ориентацию в России стоит принимать во внимание лишь как побочное, второстепенное и как бы «вторичное» явление на фоне всемогущего и всепоглощающего стремления подчеркнуть свою самобытность, несводимость всего русского к «тесным» западным стандартам¹. Согласно этому мнению, русские либералы, подобные Кавелину, Чичерину или Милюкову, а также радикальные демократы типа Белинского, Чернышевского или Писарева повторяли зады западноевропейской мысли, в лучшем случае перетолковывая ее на русский лад, а в худшем – искажая до неузнаваемости. В классических трудах Н. О. Лосского и В. В. Зеньковского по истории русской философии² ориентированным на Запад либералам и радикалам по сути дела отводится роль талантливых, но лишенных метафизической глубины дилетантов, чья миссия на русской почве была заранее обречена на неудачу. По мнению этих авторов,

¹ Подобной точки зрения придерживались, к примеру, авторы словаря «Русская ментальность», составленного сотрудниками Междисциплинарной лаборатории советологических исследований при Лодзинском университете в Польше. В редакционной статье, предваряющей корпус словарных статей, читаем: «Говоря о “русской ментальности”, мы принимаем во внимание прежде всего ее “русофильский” аспект. По вполне понятным причинам нас меньше интересует “западническая” ментальность: последняя, на наш взгляд, не вызывает серьезных проблем при “перекодировке” на языки иных национальных культур, а самими сторонниками “русскости” подлинно русской не признается» (*Mentalność rosyjska. Słownik*. Opracował i zredagował A. Lazari, Katowice 1995, s. 5. Перевод мой. – В. Щ.). К сожалению, авторы этих строк не назвали ни одной из известных им «вполне понятных причин».

² Лосский Н., *История русской философии*, New York 1951; Зеньковский В.В., *История русской философии*, т. 1–2, Paris 1948–1950.

по-настоящему самобытная, но в то же время претендующая на мировое значение русская мысль появляется не ранее Владимира Соловьева и достигает расцвета в трудах представителей религиозного возрождения Серебряного века, действительно мощного умственного движения, с которым были непосредственно связаны также вышеупомянутые Лосский и Зеньковский.

В самом деле, если речь идет о философской мысли *sensu stricto*, идеалисты начала XX века были во многом правы. Однако мнение о неоригинальности, «нерусскости» или ущербности (несостоятельности) прозападной ориентации в России, попав благодаря стараниям русской эмиграции первой волны в западную интеллектуальную среду, а затем вернувшись в Россию в качестве если не непреложного, то в высшей степени авторитетного суждения во второй половине 1980-х годов, со временем стало расхожим публицистическим аргументом для всех тех, кто сомневается в возможности полноправного вхождения новой России в семью европейских народов или же по каким-либо причинам считает полную интеграцию России с Западом нежелательной, вредной и даже опасной для самого Запада. Многочисленные голоса подобного рода раздаются как на Западе, в том числе в странах Центральной и Восточной Европы, так и в нашем отечестве. Мнения спасителей обоих родов: России от «коварного» и Запада и Запада от «коварной» России – сходятся в одном: чтобы понять глубины пресловутой «русской души»³, следует читать Хомякова и Константина Аксакова, Аполлона Григорьева и Достоевского, Владимира Соловьева и Константина Леонтьева, Бердяева и Флоренского, но ни в коем случае не Белинского, не Писарева и тем более не либералов, подобных Кавелину и Чичерину, «слишком европейских» и потому якобы мало интересных. Следуя этой логике, желая познать русскую ментальность, не стоит тратить времени на сочинения просвещенного европейца Тургенева, который был близким приятелем Флобера и кумиром Генри Джеймса, а лучше сразу очертя голову броситься в крошечную бездну карамазовщины или посмаковать ужасы ГУЛАГа в сочетании с проповедью соборного всеединства и

³ О неопределенности понятия «русской души» и произвольности его трактовки см.: Щукин В., *Русская душа // Идеи в России. Ideas in Russia. Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. A. de Lazari (red.), t. 2, Łódź 1999, s. 276–279.

христианского смирения в его православно-фаталистической версии.

Я весьма далек от недооценки славянофильства и других консервативных мировоззренческих комплексов, подвергающих зачастую вполне обоснованной критике либеральный универсализм и поверхностный прогрессизм. Каждый, кто хотя бы немного знаком с историей русской мысли в самых разных ее аспектах – от богословия до экономики и политической тактики, – ни в коем случае не должен игнорировать или приуменьшать значение консервативного органицизма славянофилов и других просвещенных «гонителей Запада» или хотя бы его умеренных критиков для всего последующего развития русского национального самосознания. И тем не менее сводить все это самосознание лишь только к одному его «русофильскому» аспекту⁴ или хотя бы сосредоточить внимание преимущественно на нем, а не на европеизме, который явно преобладал в настроениях всего русского образованного общества Нового времени⁵, было бы серьезной, непростительной ошибкой.

В мировом информационном пространстве пущенными в научный оборот оказываются самые неопределенные и запутанные представления о западничестве. Так, например, в большом энциклопедическом словаре *Larousse*⁶, вышедшем в свет в 1963 году, можно прочесть, что западничество берет свое начало в «Философических письмах» Чаадаева, который развивал идеи Гегеля применительно к России и проповедовал секуляризацию общественной жизни. Далее сообщается, что накануне революции 1848 года западничество было разгромлено полицией, а «друзья Чаадаева», среди которых находился также Достоевский, арестованы. Трудно представить себе большее смешение самых разнородных фактов и понятий. Анонимный автор энциклопедической статьи явно действовал по принципу «слышал звон, но не знает, где он». В действительности Чаадаев ориентировался на «философию откровения» позднего Шеллинга и выступал с резкой крити-

⁴ Можно также определить его как почвеннический, изоляционистский или даже националистический. В последнем случае понятие «национализм» употребляется мною в духе английской традиции, без отрицательного оттенка, характерного для его «континентального» понимания.

⁵ Подробнее о русском европеизме см. статью: Шукин В., *Размышления о русском европеизме* // Европа. – 2001, – т. 1, № 1 (1). – С. 65–82.

⁶ *Grand Larousse encyclopédique en dix volumes*, vol. VII, Paris 1963, p. 889.

кой Гегеля, а опосредованным образом критиковал также западников сороковых годов (Белинского, Герцена, Грановского, Кавелина и других). Каждый, кто хотя бы раз взял в руки «Философические письма к даме», написанные философом в 1829–1832 годах, знает, что их автор в основу построения общественной жизни предлагал положить принципы христианского провиденциализма и резко противился секуляризации. В 1848 году тайной полицией удалось разгромить кружок петрашевцев – социалистов-фурьеристов, приходивших по пятницам на собрания к М. В. Буташевичу-Петрашевскому. Одним из них действительно был Достоевский, которого приговорили к смертной казни за публичное чтение знаменитого письма Белинского к Гоголю. Эти «друзья Петрашевского» по взглядам во многом были близки к западникам сороковых годов, хотя и не идентичны им – но между ними и Чаадаевым лежит целая эпоха, а различия в мировоззренческих позициях довольно значительны. Эти и им подобные курьезные интерпретации русской интеллектуальной истории, к сожалению, не столь редки и чаще касаются проевропейских, а не «русофильских» течений русской мысли.

Классическое славянофильство на сегодняшний день изучено достаточно подробно⁷. Западничество столь же оживленного интереса у исследователей, к сожалению, не вызывает. Правда, в последние годы в России стало появляться все больше изданий, содержащих основные сочинения незаслуженно забытых западников – Боткина, Кавелина, Чичерина, появился целый ряд ценных исследований, посвященных как отдельным представителям течения, так и феноменам русского европеизма и русского европейца. Особенно преус-

⁷ Назовем наиболее авторитетные работы двух последних десятилетий: Янковский Ю. *Патриархально-дворянская утопия. Страницы русской литературно-общественной мысли 1840–1850-ых годов.* – Москва, 1981; Дудзинская Е. *Славянофилы в общественной борьбе.* – Москва, 1983; Кошелев В. *Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов, 1840–1850-е годы.* – Москва, 1985; Цимбаев Н. И. *Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века.* – Москва, 1986; Смирнова З. В. *К спорам о славянофильстве (некоторые методологические аспекты исследования раннего славянофильства) // Вопросы философии.* – 1987, № 11. – С. 121–136; *Messianisme et slavophiles. Université Jagellonne. Cracovie, 2–7 octobre 1985, Cracovie 1987*; Попов В. В. *Славянофилы и русские писатели (Н. Гоголь, С. Аксаков, Л. Толстой, А. Островский), Toruń 1988*; *Культура и цивилизация в учении ранних славянофилов. Сборник статей.* – Москва, 1989; Ванчугов В. *Очерк истории философии «самобытно-русской».* – Москва, 1994; *Славянофильство и современность. Сборник статей.* – Санкт-Петербург 1994.

пел в этом московский исследователь Владимир Кантор, автор целого ряда интереснейших работ на эту тему⁸. Нельзя не вспомнить и о петербуржце Борисе Егорове, многие годы посвятившем изучению наследия западников⁹. Небезынтересные научные труды на эту тему появились и на Западе¹⁰. В то же самое время собственно западничество как конкретный исторический эпизод русского умственного движения сороковых годов XIX столетия так и не стало более предметом отдельной монографии или хотя бы статьи. Попытку восполнить этот пробел предпринял недавно автор этих строк, который с помощью своих польских коллег выпустил в свет монографию об этой важной странице русской интеллектуальной истории¹¹.

В то же время даже такой знаменитый польский историк идей, как Анджей Валицкий, издал свой фундаментальный труд, в котором по сути дела проанализированы все направления русской общественной мысли в период с 1820 по 1861 год, с подзаголовком «Структура и историческая трансформация русского славянофильства»¹². И действительно, славянофильству отведено в нем центральное место. Видимо, сказывается ошибочная тенденция, укоренившаяся и на Западе, и в самой России еще со времен Бердяева и Шестова, произведения которых получили огромную и во многом заслуженную популярность, но не были свободны от излишней мифологии-

⁸ Назову три самые важные, на мой взгляд, последние книги В. К. Кантора: *В поисках личности: опыт русской классики*. – Москва, 1994; «...Есть европейская держава». *Россия: трудный путь к цивилизации. Историческо-философские очерки*. – Москва, 1997; *Феномен русского европейца. Культурно-философские очерки*. – Москва, 1999. В их состав входит ряд самостоятельных исследований по проблемам русского европеизма, ранее публиковавшихся в виде статей.

⁹ Упомяну его последнюю работу: *Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Structure and Tradition in Russian Society. Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yuri Mikhailovich Lotman*, Helsinki 1994, p. 18–28 (перепечатано в кн.: *Из истории русской культуры*, т. V: XIX век. – Москва, 1996. – С. 480–490).

¹⁰ Прежде всего в этой связи следует упомянуть книгу британского исследователя Дерека Оффорда: D. Offord, *Portraits of Early Russian Liberals. A Study of the Thought of T. N. Granovksy, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin and K. D. Kavelin*, Cambridge 1985.

¹¹ В. Шукин, *Русское западничество: генезис–сущность–историческая роль*, Łódź 2001. Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою глубокую благодарность профессору Анджею де Лазари – редактору издательской серии «Идеи в России» – за предоставление возможности опубликовать эту книгу в Польше.

¹² A. Walicki, *W kregu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego slowianofilstwa*, Warszawa 1964.

зации. В частности, общим местом многих работ по истории русской мысли стало утверждение, согласно которому в России в петербургский период ее истории противостоят друг другу «чисто русские», якобы совершенно нетипичные для Запада начала и элементы общеевропейские, более «нормальные» и привычные для жителя Лондона, Парижа или Берлина.

Такое утверждение не противоречит исторической истине до тех пор, пока мы, исходя из него, не примемся доказывать, будто понять истинную Россию можно только изучая ее «чисто русские» начала, которые – в следующей мысли как раз и заключается суть весьма распространенного предрассудка – находятся с общеевропейскими началами в **непримиримом противоречии**. Важно при этом подчеркнуть, что мысль о несовместимости «подлинной» России с Западом в целом и с Европой в частности звучит в высказываниях идеологов, которые принадлежат к двум противоположным друг другу группировкам: к западным сторонникам европеизма и Европы **без России** и к решительным противникам участия России – «первозданной», свободной от всевозможных европейских «грехов» – в каких бы то ни было процессах, связанных с европейской интеграцией. По целому ряду вопросов голоса «русофобов» на Западе и «русофилов» на Востоке звучат в унисон, и в этом смысле западноевропейский изоляционизм, который не желает признавать Россию в качестве органичной части европейского содружества наций, ничуть не лучше российского антиевропеизма.

В первую очередь несовместимым с основами западноевропейской цивилизации объявляется православное вероисповедание, которое совершенно необоснованно противопоставляется «всему христианству», органической частью которого является. Западноевропейские «аннибалы» латинизма как **единственной** основы европейской духовности все еще считают православие «схизмой», то есть ересью, отступлением от духа и буквы учения Христа – одного из краеугольных камней общеевропейской культуры. При этом совершенно упускается из виду, что уже в античную эпоху средиземноморская культура была **двуединой**, соединяя в себе начала латинизма и эллинизма¹³, и позднейшее разделение церквей было естественным следствием изначальной греко-римской двойственности внутри единой Европы.

¹³ Ср.: К. Modzelewski, *Niemie przodkowie* // „Polityka“ 2002, nr 18 (2348), s. 70–72.

Правда, в ответ на это можно услышать, что хотя Древняя Греция и была подлинно европейской землей и родиной демократии, то одним из ярчайших воплощений восточного деспотизма была отчизна православия – Византия. Именно византийское, а не эллинское наследие в целом мешает европейцам на западе континента причислить Россию, а вместе с ней Болгарию, Румынию, Югославию и другие страны православного культурного ареала к числу безусловно европейских. Справедлив ли подобный ход мышления?

К сожалению для русских европейцев, история лишь в незначительной степени может подтвердить тот факт, что принадлежность Руси к византийскому культурному ареалу раз и навсегда приобщала ее к Европе. В самом деле, на протяжении раннего Средневековья, вплоть до латинского завоевания 1204 года, Византия была наиболее развитой в культурном отношении страной средиземноморского бассейна, веками вызывавшей зависть европейского Запада¹⁴. Достаточно вспомнить о том, что византийские греки по праву называли себя ромеями, ибо история их державы была прямым продолжением истории Древнего Рима, а античное наследие на Востоке не подверглось ни материальному уничтожению, ни забвению, хотя, конечно, средневековая, христианская модель культуры во многом проявила себя как антитезис по отношению к гармоническому космизму древних эллинов¹⁵. Однако, с другой стороны, начиная уже с трагического VII века – столетия многочисленных внутренних распрей и арабских завоеваний, Византия переживала постепенно углублявшийся кризис, который привел к ее культурному упадку. К тому же в византийской политической и духовной культуре все более давали о себе знать восточные, главным образом персидские и арабские влияния: органичными элементами жизни становились такие вещи, как мистическая созерцательность, фаталистическая пассивность или сокрытие неудобной правды за пышными фасадами и мастерски разыгранным театрализованным действием¹⁶. Именно такую Византию увидели русские люди в X веке. Приближая их к

¹⁴ Ср.: J. Le Goff, *Kultura średniowiecznej Europy*. Przełożyła H. Szumańska-Grossowa, Warszawa 1994, s. 151–157.

¹⁵ См. напр.: Аверинцев С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. – Москва, 1997. – С. 88–113.

¹⁶ Подробнее см.: Удальцова З. В. *Византийская культура*, Москва, 1988. – С. 58–59, 77, 158–164.

уходящей в прошлое раннесредневековой Европе, наследие империи ромеев в то же самое время затрудняло их поиск Европы грядущей.

Двойственную роль играло и православие – важнейший идеологический комплекс, унаследованный Русью из Второго Рима¹⁷. Конечно, назвать его несовместимым с европейскими культурными нормами было бы совершенно нелепо. Ведь оно самым активным образом приобщало обитателей русских земель к средиземноморскому материальному и духовному наследию – к архитектурным постройкам, в облике которых скрывались детали, столь близкие римскому и эллинскому миру, к иконописи, возникшей на Синае, но помнившей еще фаюмские портреты, к церковному пению, прототипом которого были античные каноны и гимны и, наконец, к философии стоиков и неоплатоников, чью мудрость вобрало в себя восточное христианство. Более того: стремившись сохранить благодатный источник веры в его первоизданном виде и как можно меньше вторгаться в дела мира сего, православие в чисто религиозном отношении обладало рядом достоинств по сравнению с католичеством, которому не всегда удавалось уберечься от формализма, схоластики, примата догматов веры и канонического права над Божественным Откровением и даже от прямого политического действия, что вряд ли соответствовало духу и букве Священного Писания.

Однако вне области чистой религии, в широком социально-историческом и культурном контексте те же самые достоинства оборачивались недостатками. В православном мире не существовало творческого конфликта духовной и светской власти, который на Западе неизменно способствовал общественному прогрессу, принуждая к реформам как сильных мира сего, так и саму Церковь. Благоприятное воздействие Православной Церкви на общественные процессы было сведено к абсолютному минимуму, а начиная с XIII века, в эпоху военной и политической экспансии латинского Запада и мусульманского Востока, в деятельности Церкви все более давал о себе знать комплекс осажденной крепости, на несколько веков прервавший творческое развитие восточного христианства и способствовавший росту консервативных и

¹⁷ Диалектика культурного воздействия византийского православия и его адаптации на русской почве подробнее прослежена мною в работе: Щукин В. *Христианский Восток и топика русской культуры* // Вопросы философии. – 1995. – № 4. – С. 55–67.

мистико-фаталистических тенденций. Все это обернулось тяжелейшими последствиями для византийской культурной ойкумены. Приведу лишь один яркий пример: последняя значительная религиозно-философская концепция, появившаяся в обреченной на гибель Византии – исихазм – явилась главной идеологической причиной того, что ни одной из православных стран Европы не суждено было испытать обновляющего веяния Возрождения. В богословских спорах XIV–XV веков исихастам удалось одержать победу над гуманистами¹⁸, идеи которых ассоциировались, увы, с латинской «ересью», с ее исповедниками, которые не раз разоряли и грабили Константинополь, с коварными замыслами пап и вообще с Западом, отступившим, как казалось, от самого духа христианской веры в тот момент, когда личное достоинство человека было поставлено на небывало высокий пьедестал. Таким образом, православная Русь, ставшая к концу XV столетия духовным и политическим центром поствизантийской ойкумены¹⁹, явилась восприемницей антигуманистической идеологии, провозглашавшей косность во имя чистоты и нерушимости традиции. Традиция, которая отгораживала наследницу Византии от оживляющего света, который к тому времени шел не с берегов Босфора, а из той части Европы, где восторжествовал Ренессанс²⁰.

Нынешние гонители «латинства» в России, которые называют схизматиками и еретиками западных христиан – католиков и протестантов, приветствуют как раз эти отгораживающие нашу страну от «коварного» Запада стороны византийского культурного наследия и в то же время замалчивают все то, что шло из Константинополя, Александрии или Антиохии, но сближало Русь с Римом и Аквизграном. По их мнению, истинно русскими можно считать лишь те явления отечественной мысли, литературы и шире – культуры, которые более или менее сознательно апеллируют к православию, по принципу «кто не православный, тот не русский» или по

¹⁸ См.: Удальцова З. В. *Византийская культура*. - С. 247–249.

¹⁹ Это произошло вопреки официальному антивизантизму политических и церковных кругов Москвы, резко критиковавших присоединение Константинополя к Флорентийской унии 1439 года. Ср.: Аржанухин В. *Исихазм // Идеи в России. Idee w Rosji. Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Pod redakcją A. de Lazari, t. 2, Łódź 1999, s. 186.

²⁰ Подробнее о процессе восприятия и трансформации византийского культурного наследия в странах Восточной Европы см. в кн.: D. Obolensky, *The Byzantine Inheritance of East Europe*, London 1982.

крайней мере «не совсем русский». Если, скажем, Пушкин говорил преимущественно по-французски, восхищался Вольтером, написал кощунственную поэму «Гавриилиада», а затем, заинтересовавшись христианской тематикой, положил в основу стихотворения «Странник» книгу английского поэта Джона Беньяна *The Pilgrim's Progress*, то он далек от подлинной России. А можно и иначе: Пушкина воспитывала простая русская крестьянка Арина Родионовна Яковлева, он любил народные песни и сказки, временами даже постился, причащался и исповедовался по православному обряду, венчался в церкви, писал жене письма по-русски, в «Борисе Годунове» создал незабываемый образ православного монаха Пимена, а под конец жизни написал стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны...», в основу которого положил молитву Исаака Сирина. Все это означает, что он не только национальный русский, но и подлинно православный поэт.

Или другой пример. Перед нами два современника – Достоевский и Тургенев. То, что первый из них воплощает глубины русского духа, благодаря Мережковскому, Шестову и Бердяеву стало общим местом и публицистическим клише. А второй? Постепеновец, либерал-западник, трезво оценивший ситуацию и скептически относившийся к любого рода историческим миссиям – так ли он типичен для России? Да, конечно, замечательный стилист, и в прозе его звучит великолепная русская речь, но русский ли дух? Да, в своем творчестве он отразил множество замечательных явлений русской общественной жизни, но глубоко ли проник не просто в человеческую, а именно в русскую душу? Человек он был нерелигиозный, агностик, далекий от православия, воспитанный на классической немецкой философии, поклонник Шопенгауэра и Ренана – полноте, да неужели чтобы понять Россию, нужно читать «Рудина» или «Отцов и детей»?

Список подобного рода ложных противопоставлений «русского» и «не совсем русского» можно продолжать и продолжать: вполне русский Николай Федоров и не вполне русский Владимир Соловьев (кто-то не может простить ему христианского экуменизма), вполне русский Бердяев и «не вполне» Гершензон, «вполне» Цветаева и «не вполне» Мандельштам. Или, ближе к нашим дням: вполне русский православный и консервативный Солженицын и не вполне русский агностик и либерал Сахаров. Даже люди широких взглядов, далекие от предрассудков и остерегающиеся стерео-

типного мышления, предпочитают изучать Россию по Хомякову, Достоевскому и Солженицыну, а не по Чаадаеву, Тургеневу и Сахарову. А обиднее всего то, что столь нелепый ход мышления встречается не только на «Востоке», то есть в России (в каждой стране найдутся свои лжепатриоты), но и на «Западе», то есть в странах Центральной и Восточной Европы, где местные хранители культурной чистоты охотно находят в России «исключительно, неповторимо русское» только для того, чтобы доказать нашу безусловную чуждость всему европейскому. А далее – два варианта политических рекомендаций. По первому процесс европейской интеграции на Востоке должен охватить бывшие земли империи Ягеллонов, на которые успело распространиться «благотворное влияние латинской цивилизации», короче говоря, нынешнюю Украину и Белоруссию, оставив по восточную сторону «бархатного занавеса» Новгород, Псков и Смоленск. По второму, более прагматичному варианту, объединенной Европе позволено будет распространиться лишь до пресловутой «линии Керзона», что означало бы, говоря словами значительной части современных польских обозревателей, «толкнуть Украину и Белоруссию в объятия России». В заведомом антиевропеизме **любой** России эти авторы не сомневаются.

К счастью, с Россией не все так просто. А чтобы иметь о ней объективное представление, судить о ней нужно не только по Хомякову, но и по Чаадаеву; не только по Достоевскому, но и по Тургеневу; не только по Солженицыну, но и по Сахарову. Для моих же польских коллег и соратников добавлю: изучать ее нужно не только по Яну Кухажевскому, который подчеркивал, что русский деспотизм и экспансионизм неискоренимы ни при каких условиях, но и по Анджею Дравичу, который упорно убеждал своих соотечественников в том, что Россия – такая же нормальная европейская страна, как Великобритания или Швеция, только гораздо больше и гораздо беднее...

Знакомство с русским западничеством и либерализмом столь же необходимы для понимания специфически русского стиля мышления, как православное богословие, славянофильство или религиозная философия начала XX века. Полезно порою рассмотреть вообще все русское национальное самосознание Нового времени как бы растянутым между двумя полюсами, «русофильским» и «западническим», однако чрезмерное увлечение первым и малейшее пренебрежение

вторым нередко порождает новые стереотипы в духе пресловутой развесистой клюквы.

Я отдаю себе отчет в том, что моя мысль о бесспорности русского европеизма может вызвать весьма обоснованные сомнения у многих хорошо осведомленных читателей. К тому же события последних лет не благоприятствовали надеждам на скорое осуществление давнишней мечты русских европейцев о действительном и обоюдном уничтожении всех видимых и невидимых границ, отделяющих Россию от остальной Европы. Но политическая «суета сует» не должна заслонять от нас широкой перспективы всего исторического развития. Речь идет в первую очередь об истории трех последних столетий, в течение которых Россия превратилась из глухой европейской окраины, упомянутой в литературе высшей категории всего один раз – в трагедии Кальдерона «Жизнь есть сон», в могущественную мировую державу, которая внесла в общечеловеческую сокровищницу науки и культуры немало подлинных шедевров материи и духа. Никакие разумные доводы о эфемерности русского могущества, никакие рациональные и справедливые указания на то, что избранный Россией путь европеизации был с самого начала не лишен пороков и привел страну к трагедии 1917 года со всеми ее последствиями, не могут отменить того простого факта, что без сознательной ориентации образованных кругов на западные ценности нельзя себе представить ни появления русского национального поэта Пушкина²¹, ни принятого в 1864 году судебно-процессуального кодекса, который для своего времени был самым прогрессивным в Европе, ни открытия Менделеевым периодической таблицы элементов, ни столыпинской аграрной реформы, ни полета Гагарина в космос. Нельзя вообразить

²¹ Напомним известный факт: родным языком Пушкина был французский; свои первые литературные произведения поэт написал на языке Вольтера и Мирабо. Несмотря на всю универсальность пушкинского гения, значение французского Просвещения для формирования его мировоззрения и литературных навыков трудно переоценить (ср. также: Алексеев М. П. *Пушкин и наука его времени* // Алексеев М. П. *Пушкин. Сравнительно-исторические исследования*. Отв. редакторы Степанов Г. В., Баскаков В. Н. – Ленинград, 1984. – С. 22–174). Поэтому утверждения об «истинно православном» характере пушкинского творчества, не раз звучавшие из уст моих соотечественников во время недавнего двухсотлетнего юбилея, могут быть отнесены к числу явных курьезов.

себе даже возникновения славянофильства, немислимого без философской выучки в школе Гердера, Шеллинга и Баадера²².

Специалисты-историки, с которыми я не раз обсуждал волнующую меня проблему значения западничества, не раз подчеркивали его исключительное значение для бурного развития русского общества и русского государства во второй половине XIX и в начале XX столетия в самом благоприятном, как показала история, направлении. Позволю себе привести мнения двух выдающихся историков – ныне покойного профессора Московского университета Петра Андреевича Зайончковского и профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса. Первый в частной беседе не раз с упорством подчеркивал: все, что в пореформенной России удалось и чего русским нечего было стыдиться перед Европой, то есть правовая система, гласные суды присяжных, структура военной службы, местное самоуправление (земство), система образования, научные учреждения, гражданское общество с хорошо функционировавшим кодексом чести и общественным мнением – все это дело западников и их последователей, а не славянофилов, идеи которых были хороши для метафизических словопрений, но мало пригодились на практике. Что же касается Ричарда Пайпса, то в частном письме от 30 августа 1988 года он писал мне:

I fully share your enthusiasm for Russian Westerners (then and now) and I believe that the course they indicated was (and is) the only true one for Russia to take. You are right in stressing the early roots of Westernism. At the same time, I would allow more general support for Slavophil's ideas than you seem to give. The Orthodox religion, by isolating Russians for so long from the main body of Christianity, had created a sense of uniqueness and defensiveness that takes, in modern times, the form of exclusive nationalism. On my recent trip to Russia (June 1988) I ran into more Slavophiles than Westerners²³.

²² Ср.: Степун Ф. *Немецкий романтизм и русское славянофильство* // Русская мысль. – 1910. – кн. 3. – С. 65–91 (второй пагинации).

²³ «Я вполне разделяю Ваш энтузиазм относительно русских западников (старых и нынешних) и верю в то, что ими указанный путь был и есть единственный верный путь, который может избрать для себя Россия. Вы правы, когда подчеркиваете, что корни западничества уходят в далекое прошлое. Но в то же время я хотел бы напомнить, что славянофильские идеи пользуются повсеместной поддержкой в большей степени, чем вы это себе представляете. Православное вероисповедание, которое стало причиной столь долгой отъединенности русских от основной части христианского сообщества, выработало в них чувство уникальности и некий комплекс защиты перед внешним миром, что и привело к

Оба высказанные мнения позволяют мне сделать два вывода. Во-первых, о колоссальном значении славянофильского представления о совершенно особой, ни с чем не сравнимой, русской судьбе, на которую всегда можно сослаться, когда осознание отодвинутости соплеменников Толстого и Достоевского на самый дальний край европейского культурного пространства (далее прибалтов, дальше украинцев, а может быть, и белорусов!) становится неумоготу. И во-вторых, об огромной привлекательности главного идеала западников – мечты об уважении к достоинству отдельно взятой человеческой личности, которое и составляет главную цель исторического прогресса. Прогресса, который хотя бы частично удалось осуществить в России в период ее наивысшего расцвета и который был бы немыслим без неустанной созидательной деятельности русских западников как представителей вполне определенного идейного течения середины XIX века и, в более широком масштабе – русских европейцев, то есть по-европейски образованных и воспитанных русских людей, которым были близки идеалы гуманизма и демократии, легшие в основу общественного строя в поренессансной Европе.

Русское западничество важно не только для самой России, но и для европейского самосознания в целом. Ведь дело в том, что у западников сложились вполне определенные представления о том, что такое европеизм, где пролегают его онтологические, географические и хронологические границы. Эти представления нельзя не учесть сейчас, когда во всех странах, так или иначе претендующих на то, чтобы принадлежать к европейскому культурному ареалу, самые горячие дискуссии возникают как раз по поводу разграничения европейского и неевропейского мира.

Нет ничего удивительного в том, что западники причисляли Россию к числу европейских держав, а русскую культуру считали особенным проявлением европейской культуры. Они, однако, не скрывали того очевидного факта, что их отечество во многих отношениях отстает от передовых стран европейского субконтинента. Наоборот, в многочисленных печатных выступлениях и в частных беседах они не щадили черной краски и со всей мощью критического пафоса рисовали картины российской бедности, российского бесправия и

появлению известного рода национальной исключительности. Во время моей последней поездки в Россию (в июне 1988 года) я чаще наталкивался на славянофилов, чем на западников» (перевод мой. – В. Ш.).

бескультурья. В то же время они с полным основанием утверждали, что Европа в высшей степени многообразна и неоднородна, что в границах этого понятия может уместиться, допустим, и родина либерализма Великобритания, и убогая, замкнутая в беспредельном клерикализме и национализме Ирландия. Они отчетливо понимали, что Европа – это и сориентированный на Средневековье религиозный фанатизм Савонаролы, и секулярный гуманизм Вольтера. Россия тоже могла, по их мнению, вполне уместиться в существенных границах Европы, коль скоро мы относим к числу европейских такие маргинальные по отношению к основному ядру европейской цивилизации страны и регионы, как Греция, Бретань, Корсика, Албания, Португалия, которые в середине XIX века или находились под турецким (то есть – неевропейским, исламским) владычеством, или являли собою безотрадную картину культурной отсталости и застоя.

Уточним одну важную деталь: западническая пространственная модель европейского мира представляла собою – вполне в духе общеевропейских представлений Средних веков и Нового времени – центрально-периферийную структуру. В центре, в качестве «наиболее европейских» стран, умещались Великобритания и Франция – причем Франции, как стране яркой политической динамики и как законодательнице культурной моды, большинством западников отдавалось некоторое предпочтение перед консервативной Британией. Чуть в стороне от сугубого семантического «центра» Европы располагались две центрально-западные державы – все еще раздробленная Германия и имперская, сотканная из национальных лоскутков Австро-Венгрия. Их высокая культура сочеталась с анахроничными элементами абсолютной монархии и полицейского государства, что могло ощущаться как нечто противное идеальному духу Европы. Еще дальше от «центра» помещалась Италия. Центральная для христианской культуры роль Рима по большей мере игнорировалась; она принималась во внимание главным образом филокатоликами – явными (Чаадаев) или скрытыми (Гоголь), а для западников католицизм или филокатоличество представляли из себя явный реликт старой, ушедшей в прошлое, **дореволюционной** Европы. Остальные европейские страны, такие как Греция, Ирландия, Испания, Португалия **вместе с Россией** составляли, по мнению западников, периферию Европы. Неслучайно в русские журналы западнического направления

охотно помещали путевые очерки и эссе, в которых, к примеру, Испания с сохранившимися в ее культуре арабскими элементами и средневековыми сословными отношениями прямо сравнивалась с империей Романовых, где **тоже** было много «азиатчины».

Как и многие другие земли, вполне европейский характер которых мог подлежать сомнению, Россия должна была, по мнению западников, отказаться, как от ненужного балласта, от «азиатских» элементов своего государственного и общественного строя: от вотчинного государства, самодержавия, крепостного права, сельской общины, «большой» семьи, примата власти над правопорядком. Большое внимание придавалось при этом ментальности: такие ставшие нарицательными пороки русских людей, как самодурство, безалаберность, пассивность, фатализм, квиетизм («обломовщина») или перекладывание ответственности на начальника или «хозяина», который «наведет порядок», западники называли азиатчиной и осуждали самым суровым образом. Они понимали, что Европа движется по пути прогресса, последовательно преодолевая вековые предрассудки и реликты авторитарно-иерархических структур, сохранившихся во многих странах со времен Средневековья, а потому любая страна, которая попытается придать собственной «азиатчине» статус незыблемых устоев общественного порядка, будет рассматриваться как чуждый элемент в европейской семье народов и государств.

В связи с этим нелишним было бы разобраться в том, что же такое эта пресловутая «азиатчина», которой, по мнению западников, было немало не только в России, но и в других европейских странах. Ведь сторонников европейского прогресса пугала не Азия, не Восток как таковой. Много глубоких наблюдений и толерантности по отношению к культуре мусульманского Востока мы найдем в замечательном памятнике западной публицистики – «Письмах об Испании» Василия Боткина²⁴. Быть может, западники не всегда ясно отдавали себе отчет в том, что то, что они называли «азиатчиной», на самом деле было остатками средневековой, авторитарно-иерархической и сугубо религиозной системы ценностей, а у нее были не только восточные (главным образом, ближневосточные, библейские), но и чисто европей-

²⁴ Боткин В. П. *Письма об Испании*. Издание подготовили Егоров Б. Ф., Звигильский А., Ленинград, 1976 (серия «Литературные памятники»).

ские – древнеримские, древнегерманские, древнеславянские корни. Не стоит забывать, что история Европы сложилась таким образом, что уже после XIII века, после окончания крестовых походов европейский Запад стал медленно, но верно поворачивать к ренессансным представлениям о ценности отдельной человеческой личности и о векторном течении времени, иначе говоря – о прогрессе, в то время как европейский Восток, то есть византийская культурная ойкумена, в состав которой входили и поделенные между Золотой Ордой и империей Ягеллонов русские земли, переживала глубокий политический, культурный и духовный кризис и так и не сумела найти свой собственный путь к Новому времени. Как указывалось ранее, восточнохристианским ответом на ренессансный гуманизм, прогрессизм и капитализм стал исихазм – неоплатоническая религиозно-философская система, содержащая в себе и подлинно восточные, азиатские элементы, родственные буддийской нирване и мистицизму иранских суффи. В то время, как запад Европы начинал верить в возможность счастья не в загробном мире, а на «грешной» земле, европейский Восток все более убеждался в том, что «мир во зле лежит», а потому стремился вытеснить в своего рода коллективное подсознание горький опыт внутренних распрей и нарастающей военной опасности извне. Вытеснить и заменить его «обожением», приобщением к божественной энергии, что с точки зрения насущных потребностей земного мира оказалось капитуляцией, отступлением в мерцающую мглу средневековой религиозности.

Русское славянофильство явилось как попытка оправдать антилиберальный, антипрогрессистский, антикапиталистический – но и антигуманистический пафос восточнохристианского выбора в пользу исихастского «молчания», смиренного мудрия и умиления. Славянофилы были романтиками, которые, подобно йенским романтикам в Германии, ужаснулись при виде некоторых ярких «успехов» промышленного-рыночного прогресса и просветительской прямолинейности, но в отличие от своих западноевропейских собратьев искали ответа на волновавшие их вопросы не в идеалах средневекового католицизма и рыцарства, а в восточнохристианской – но тоже европейской и тоже средневековой – культурной традиции. Русское западничество же явилось как результат, правда, не столь древней, но все же насчитывавшей не менее трехсот лет отечественной традиции ренессансного

гуманизма, новаторства, обновленчества. Традиции, в формировании которой самую активную роль сыграло в XVII – начале XVIII века польское культурное влияние, оказавшееся в свое время более популярным, чем исихастское «молчание» или апокалипсические пророчества православных традиционалистов.

История русской интеллигенции на протяжении четырех столетий явилась ареной борьбы двух противоположных умонастроений: стремления организовать жизнь на общеевропейский лад и желания сохранить в нетронутом виде те формы и навыки национальной жизни, которые сложились в условиях длительной изоляции страны от западного культурного сообщества. Эта борьба носила ярко выраженный идеологический характер, а в пору возникновения устойчивых традиций в области историософии привела к появлению теоретически осмысленных и внутренне последовательных идеологических концепций – славянофильства и западничества. Они и составили главный аксиологический фокус, вокруг которого оформился идеологический горизонт эпохи 1840-х годов, сыгравшей весьма важную роль в процессе формирования национального самосознания и на многие годы определившей дальнейшие судьбы интеллигенции.